

Е.Ю. Талалаева

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ «ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ» ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений», № 19-18-00054.

Представлен анализ общественно-политического дискурса и официальных отчетов, разработанных для правительств Дании, Швеции и Норвегии соответствующими министерствами и органами внутреннего правопорядка. На основе данного анализа выявляются и оцениваются реально существующие и потенциальные угрозы национальной безопасности скандинавских стран со стороны мусульманских сегрегированных общин иммигрантов, образующих внутри государственных границ конфессиональные «параллельные» общества.

Ключевые слова: параллельное общество; иммиграционная политика; Скандинавские страны; уязвимый жилой район; мусульманские общины; мультикультурное общество.

«Параллельное общество» является неотъемлемым элементом социальной действительности общественно-экономического и геополитического пространства стран Северной Европы, представленных в рамках данного исследования тремя государствами: Данией, Швецией и Норвегией. Выбор этого региона для изучения рассматриваемого социального феномена обусловлен многовековой общностью исторического развития, экономического устройства и общественно-политического уклада Скандинавских стран. Такой подход позволяет на основе анализа иммиграционной политики Дании, Швеции и Норвегии выявить общие тенденции к формированию на североевропейском пространстве конфессионального параллельного общества, оценить уровень угрозы национальной и международной безопасности, а также эффективность предпринимаемых государственными структурами мер для полноценной интеграции обособленных мусульманских общин в основной социум.

Ко второй половине 1990-х гг. значение понятия «параллельное общество» претерпело существенную трансформацию от социологической концепции до политической стратегии, взятой на вооружение противниками идеи мультикультурализма и политического курса европейских государств, ориентированного на предоставление возможности проживания на своей территории значительному числу иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, разделяющих чуждые устоявшимся либерально-демократическим ценностям культурно-религиозные традиции и добровольно объединяющимся в сегрегированные мусульманские общины, противопоставленные обществу большинства и несущие для государства определенные социально-политические риски. На фоне широкой эксплуатации проблемы существования мусульманских параллельных общин в СМИ и общественно-политических дебатах, нагнетающих социальную напряженность в Скандинавских странах, особого внимания заслуживают официальные отчеты министерств и органов внутреннего правопорядка в государствах Северной Европы, подчеркивающих неоспоримую актуальность данного вопроса, но ис-

ключающих возможность перерастания указанной проблемы в угрозу национального или международного масштаба.

Таким образом, цель данного исследования заключается в изучении общественно-политического дискурса и анализа официально публикуемых документов североевропейских государств с опорой на научные разработки скандинавских исследователей, что позволит сформировать целостную картину проблемы конфессионального параллельного общества с перспективой его перерастания в «несостоявшееся государство» и оценить эффективность мер иммиграционной политики Дании, Швеции и Норвегии.

Дания: интеграционная политика в отношении мусульманских гетто

В Дании понятие «параллельное общество» для описания исторически обусловленного феномена впервые появляется в 1968 г., когда 19 сентября в ежедневной информационной газете *Dagbladet Information* вышла статья социолога культуры Питера Дуэлунда «Параллельное общество как новая политическая стратегия» [1]. Данная работа была опубликована в ответ на стремление левых движений создать «альтернативное общество» как особую контркультуру в противовес лидирующим на то время политическим и социальным установкам в обществе. Подобный подход, по мнению Дуэлунда, является выражением утопических представлений об общественном устройстве. Датский социолог утверждает, что любая попытка создать внутри социума сообщество, основанное на принципиально иных ценностных установках и правилах взаимоотношения между людьми, неминуемо приводит к обособлению данной группы людей в гетто [2. Р. 55] Тогда как создание параллельного общества, напротив, представляет собой реализацию политической стратегии, позволяющей показать, что возможно лучшее общество: «Утопично полагать, что параллельное общество может освободиться от остального общества, создав свои собственные институты. С другой стороны, наша параллельная

среда показывает, как мы можем объединиться в борьбе со старым обществом» [2. Р. 56]. Следовательно, изначально поставленная Дуэлундом цель состояла не в том, чтобы создать отдельную социальную среду со своими собственными институтами, а в том, чтобы изменить датское общество изнутри [2. Р. 57]. Однако прежнее значение концепции «параллельного общества», зародившееся в Дании в конце 1960-х гг., имеет принципиальное отличие от конфессионального параллельного общества, существующего в современных политических реалиях скандинавских стран.

Трансформация данного понятия обозначилась в 1990-е гг. – в то время, когда начинает набирать обороты целый спектр проблем, порожденный политикой мультикультурализма в развитых европейских государствах. Вехой в этом процессе является опубликование статьи немецкого социолога Вильгельма Хайтмейера в еженедельной газете *Die Zeit* под заголовком «Ислам играет важную роль для турецкой молодежи в Германии» [3]. В этот период параллельное общество начинает фигурировать в западноевропейском общественно-политическом дискурсе в качестве иллюстрации проблемы сегрегации мусульманских иммигрантских общин от мажоритарного общества. Особое внимание в своей работе Хайтмейер уделил тому факту, что обособленные группы фундаменталистов приобретают все большее влияние в турецких общинах в Германии, а их призывам к добровольной культурной сегрегации от большинства европейского населения наиболее восприимчивы именно молодые люди. В этой связи Хайтмейер предупреждает об опасности, согласно которой «религиозно-политические группы могут создать трудное для понимания “параллельное общество” за гранью общества большинства» [3. Р. 6]. Таким образом, термин «параллельное общество» впервые стал использоваться для обозначения феномена сегрегированных мусульманских общин, представляющих потенциальную угрозу национальной безопасности отдельных государств и международному европейскому пространству в целом.

Непосредственно в датский общественно-политический дискурс понятие «параллельное общество» в его новом облике входит 10 сентября 1998 г. благодаря выступлению на популярном датском телеканале DR1 бывшего депутата Европейского парламента от Датской народной партии Могенса Камре с критикой социал-демократической иммиграционной политики [4. Р. 78–79]. В своей речи Камре выразил сомнения, что Дания может справиться с интеграцией в основное общество столь существенного числа выходцев из других стран, разделяющих иные религиозно-культурные ценности. По сути, Камре предсказал образование на территории Дании сегрегированных мусульманских общин. В одной из своих последующих публикаций он утверждал, что мусульмане желают обосноваться в Дании, следуя при этом «установленным правилам интеграции мусульманских стран и противодействуя интеграции как официальной политике», что приводит к образованию в Дании исламских параллельных обществ [5]. Начиная с этого момента, «параллельное общество» из социологической концепции трансформируется в ценностно-идеологи-

ческую политическую стратегию, активно эксплуатируемую в качестве основного аргумента в датских политических и общественных дебатах против иммиграционной политики.

Такой подход был охарактеризован датским исследователем А.М. Фрайслебен как «антиутопический политический дискурс» в ее докторской диссертации «Параллельное общество Дании. Сегрегация, гетто и социальное единство: параллельное общество в датском дискурсе 1968–2013 гг. – от утопии к антиутопии» [4. Р. 100]. Проблема сегрегации мусульманских иммигрантских общин в форме конфессионального параллельного общества, отделенного от мажоритарного датского общества, преподносится в качестве актуальной угрозы устоявшейся в Дании либеральной демократии, концепции государства всеобщего благосостояния и сплоченности датского общества внутри его национальных государственных границ. Тогда как оппонентами данной аргументации отстаивается идея защиты прав меньшинств населения, проживающих на датской территории. К наиболее широко отстаиваемой позиции в контексте общественно-политических дискуссий относится идея о главенстве ценностей датской демократии, к которым относится уважение к меньшинствам.

Однако этот аспект проблемы параллельного общества в Дании является далеко неоднозначным по своей сути. Прежде всего, это связано с ситуацией, когда в роли социального меньшинства выступает не мусульманское сообщество иммигрантов, а сами датчане на тех территориях, где число исповедующих ислам турецких и арабских иммигрантов в первом и втором поколениях составляет большую часть населения. К примеру, одним из наиболее известных общественных скандалов можно считать события ноября–декабря 2012 г., связанные с отказом администрации города Коккедаля от установки рождественской елки на центральной площади. Такое решение было принято представителями государственной власти в целях экономии бюджета, однако социальную остроту вызвал тот факт, что большинство из них были приверженцами ислама и, вероятно, не имели прямой заинтересованности в продвижении и поддержании христианских традиций. Несмотря на приход к обществу консенсусу в отношении поддержки прав «датского меньшинства», сама ситуация была воспринята как осознанная провокация, а скандал получил широкий общественный резонанс, не утихающий в течение длительного времени. Общественному напряжению во многом способствовали публикуемые датскими СМИ характерные высказывания о сложившейся ситуации, которая представляет собой «классический пример того, как параллельные общества могут угрожать датским, демократическим ценностям» [6].

Следует отметить, что неоднозначность идеи уважения прав меньшинств является существенным препятствием для успешной реализации интеграционной политики государства. События, связанные с рождественской елкой, показывают, что уважение к меньшинству отстаивается только в случае, когда это меньшинство представлено датчанами и в пользу дат-

ского общества в целом. Если же меньшинство представлено мусульманскими иммигрантами или их потомками, то им следует интегрироваться в мажоритарное общество, чему свидетельствуют выступления представителей официальных властей. В качестве примера можно привести суждение депутата от Датской народной партии Марии Краруп о необходимости следовать датским общественным нормам: «...мы должны привыкнуть придерживаться своих собственных принципов и любезно дать понять мусульманам, как это работает в Дании. Теперь вы должны приспособиться к ним, если хотите жить в нашей стране» [7].

Таким образом, основные требования к меньшинствам для их эффективной интеграции в основное общество далеко не всегда применимы к датчанам, находящимся в данной категории населения. Подобная позиция также была поддержана основателем движения «Демократические мусульмане в Дании» и депутатом Датского парламента от Либерального альянса Насером Хадером, осознающим неоднозначность положения мусульманских меньшинств в датском обществе: «Между меньшинством в чужой стране и в своей собственной имеется существенная разница. Когда человек находится в чужой стране, предполагается, что он должен адаптироваться и действовать сообразно местным обычаям» [6].

Следовательно, мусульманские меньшинства в Дании часто позиционируются политическими деятелями как «чужие», «этнические и религиозные другие», стремящиеся подорвать основы «их» датского общества [4. Р. 94]. В такой ситуации логично предположить, что мусульманская иммигрантская контркультура осознанно противопоставляет себя «датской культуре», что спровоцировано специфической социальной средой и экономическими условиями, в которые попадают иммигранты не западного происхождения. С одной стороны, такая концепция «этнического и религиозного другого» служит основой сепаратистской направленности образующихся на территории Дании «параллельных обществ». С другой стороны, подобные провалы в интеграционной политике государства во многом способствуют распространению различных теорий «заговора параллельных обществ» [4. Р. 244], нагнетающих и без того напряженную социальную ситуацию информацией о целенаправленной консолидации мусульманского населения в Дании, контролируемой из арабских стран.

Тем не менее такой подход основывается на вполне реальных проблемах в социальной жизни крупно населенных городов, когда отделившиеся от общественного большинства группы населения обособляются на основе привычных для них религиозных традиций, собственных политических принципов и представлений о внутреннем правопорядке. Впоследствии замкнутые иммигрантские общины образуют «уязвимые жилые районы» – термин, который преимущественно используется полицией в Скандинавских странах для определения «параллельного общества». По данным датской полиции [8. Р. 36], в 2017 г. на основе местных анализов и оценки угроз было выявлено 25 особо уязвимых жилых района в девяти из двенадцати полицейских округов страны.

Справедливо отметить, что не для всех рассматриваемых уязвимых районов конфессиональный фактор играет ведущую роль, тем не менее, исламский экстремизм является наиболее дестабилизирующим фактором для районов, относящихся к категории «опасных». В Дании официально принято понятие «особо уязвимые жилые районы» [8. Р. 36], которые фактически приравниваются к гетто. На данный момент Дания является единственной страной в мире, где термин «гетто» используется на официальном уровне для обозначения жилых районов с соответствующими характеристиками параллельного общества.

Начиная с 2010 г., в Дании каждый год составляются и публикуются в открытом доступе «Национальные планы действий полиции в районах гетто» [9. Р. 10], призванные способствовать снижению уровня преступности и социальной напряженности в районах, где проживают в разной степени отделившиеся от мажоритарного общества мусульманские общины. Тем не менее разработанные полицией меры противодействия преступности в гетто не обладают достаточной эффективностью для полноценного нормативно-правового регулирования существующих социальных проблем. По большей части действия полиции ограничиваются сбором общей информации, беседами с населением данных «уязвимых районов» и фактическим присутствием стражей правопорядка на обозначенных территориях для возможности оперативного разрешения возникающих конфликтных ситуаций.

Существуют предположения, что категория «особенно уязвимые жилые районы» потенциально имеет опасность перерасти в «несостоявшееся государство»: «В Швеции и Дании мы видим, что некоторые группы изолируются и решительно выступают против законов общества, государственных и судебных властей. Например, это выражается в проявлении насильственных действий в отношении полиции при пересечении границы “территории” группы. Здесь можно провести параллель с так называемыми “несостоявшимися государствами”, когда правительства утрачивают контроль над территориями в пределах собственных государственных границ» [10. Р. 21]. Однако, судя по отчетам, публикуемым правительствами Скандинавских стран в открытом доступе интернет-пространства, актуальной для рассмотрения является именно проблема наличия «уязвимых районов», тогда как «несостоявшееся государство» представляет собой лишь потенциальную угрозу и, как правило, обозначается в качестве «зоны риска» в официальных отчетах государственных органов.

Швеция: исламизм как элемент мультикультурного общества

В частности, изложенной выше позиции придерживается Национальный оперативный отдел Швеции, определяющий уязвимые районы как объективно существующую угрозу для шведского общества и приводит трехуровневую классификацию, различая такие районы по степени их негативного воздействия на остальное общество [11. Р. 10–11]. К наиболее «безопасным» зонам можно отнести районы с типичными

проявлениями социального неблагополучия, обусловленного низким социально-экономическим уровнем жизни проживающего на его территории населения. Тогда как особую опасность представляет наличие в подобных районах параллельных структур общественного устройства и правопорядка, влекущее за собой различные негативные социальные проявления вплоть до религиозного экстремизма [11. Р. 10]. В качестве примера таких проявлений можно привести отток населения для непосредственного участия в вооруженных конфликтах на территории государств Ближнего Востока. Согласно материалам, представленным шведской полицией за 2017 г. [11. Р. 41], в Швеции зафиксировано 32 «уязвимых района», 23 «особо уязвимых района» и 6 «зон риска», которые потенциально могут перерасти в угрозу безопасности национального масштаба.

Кроме того, для Швеции, как и для Дании, характерна ответная реакция общества большинства на широко пропагандируемую потенциальную угрозу существующим демократическим ценностям и национальной безопасности со стороны проявлений исламского экстремизма. В частности, данная проблема порождает враждебное отношение ко всем иммигрантам из стран Северной Африки и Ближнего Востока, что наиболее ярко выражено со стороны правых радикальных движений [11. Р. 33]. Тем не менее в связи с данной проблемой можно отметить позитивные действия государственной интеграционной политики, в частности со стороны Шведского гражданского агентства по непредвиденным обстоятельствам. В качестве иллюстрации деятельности данного агентства можно привести профинансированный им исследовательский проект по изучению различных аспектов влияния феномена «глобализации ислама» на шведское общество и оценке исламизма как многогранного явления, имеющего помимо негативных проявлений собственное позитивное значение.

Данное исследование было проведено шведским антропологом и специалистом по вопросам исламизма и мультикультурализма Айе Карлбомом на базе Университета Мальме в 2018–2019 гг. [12]. Ключевая идея этого проекта состоит в позиционировании классического исламизма не как угрозы безопасности и подрыва демократических ценностей, но в качестве культурного феномена, затрагивающего социальные проблемы между меньшинствами и мажоритарным обществом и представляющего собой вызов устоявшейся политической системе Швеции. Тогда как действительная угроза безопасности исходит преимущественно от неофундаменталистских салафитских исламистских движений, распространившихся по всему Европейскому Союзу [12. Р. 7].

Проведенные в рамках исследования интервью с представителями Исламской ассоциации в Швеции позволили Карлбому выявить позитивные социальные черты деятельности исламских активистов, нацеленной на успешную интеграцию мусульманских иммигрантов в шведское общество, что возможно лишь при проведении государством открытой политики культурного и религиозного разнообразия [12. Р. 41–46]. В частности, к таким проявлениям можно отнести

просветительскую деятельность по разъяснению сущности ислама как мировой религии и правильного понимания Корана. К примеру, это нашло отражение в кратком иллюстрированном руководстве по пониманию ислама [13], опубликованного Скандинавским фондом Аль-Рисала.

Норвегия: дилемма культурного многообразия и единого норвежского общества

В отличие от Швеции и Дании, Норвегии присуща несколько иная специфика проблематики, связанной с конфессиональными параллельными обществами. Во многом данные отличия обусловлены другой демографической географией страны и, как следствие, более слабой степенью урбанизации, чем в других Скандинавских странах. Тем не менее в крупных городах Норвегии также отмечаются районы, населенные преимущественно представителями религиозно-этнических меньшинств. Но, несмотря на это, норвежская полиция не рассматривает факт религиозной радикализации в качестве основной угрозы формирования параллельного общества как уязвимого жилого района. С позиции полицейского руководства, основной причиной данного явления в обществе является социально-экономическое неблагополучие среди определенных групп населения [10. Р. 33]. Тем не менее при обсуждении проблемы параллельного сообщества в официальном докладе представителей органов внутреннего правопорядка «Осло 2022 – Будущие вызовы преступности в Осло» указывается, что «усиление поляризации между народами по признаку религии, этнической или политической принадлежности является реальной угрозой уже сегодня» [14. Р. 13]. В докладе также отмечается факт, согласно которому параллельные общества как группы населения с иной этнической принадлежностью, языком и (или) религией существуют на территории Осло, где из-за повышенной численности и плотности населения социально-экономические проблемы аналогичны тем, что присутствуют в Швеции и Дании. Однако в официально публикуемых докладах норвежской полиции чаще всего можно встретить отрицание существования в Осло «параллельных обществ» наподобие «уязвимых районов» в других скандинавских странах, так как на территории норвежской столицы отсутствуют закрытые для полиции жилые районы или сообщества, а социальные проблемы в областях с высокой численностью иммигрантов не выводятся в категорию особой угрозы, требующей отдельного рассмотрения [15. Р. 22–23].

Пример реакции полиции на проблему существования в Осло параллельных обществ отображен в книге норвежского писателя и эксперта по социально-экономическим тенденциям Столе Эккланда «Норвежские условия: за линией фронта в самом жестком полицейском участке Норвегии» [16]. Эккланд провел исследование о специфике работы норвежской полиции в Гроруддалене и Стовнере – районах Осло, где население иммигрантов или норвежцев с родителями-иммигрантами составляет более 80% [17]. Опрос среди полицейских показал, что они не считают данные

районы с мусульманскими общинами параллельными обществами, так как у них не возникает серьезных препятствий при осуществлении своих должностных обязанностей [16. Р. 12]. Тем не менее представители норвежской полиции подчеркивают целый спектр специфических проблем, порожденный наличием в данных районах специфической *субкультуры*, в которой сформированы «собственные законы, нормы и формы контроля вне установленных социальных институтов» [16. Р. 12]. Таким образом, несмотря на практически полное отсутствие официальных заявлений о существовании на территории Осло конфессиональных параллельных обществ или «уязвимых жилых районах», как в Швеции или Дании, норвежскими органами правопорядка отмечается определенная социальная напряженность в районах с преобладающим мусульманским иммигрантским населением.

Следует также отметить, что в Норвегии распространено и другое понимание параллельного общества, не имеющего отношения к мусульманским иммигрантским общинам, но обозначающего отдельную группу населения с параллельно действующими социальными институтами. В качестве примера можно привести саамское общество, активно отстаивающее самобытную культуру и добившееся официального признания собственной этнической идентичности несмотря на проведение политики норвегизации с ее жесткими принудительными мерами. В качестве параллельного социального института в данном контексте выступает основанный в 1989 году Саамский парламент Норвегии, осуществляющий посреднические функции между саамским населением и норвежским государством.

Саамский пример частично подходит под определение «параллельного общества» норвежского социолога П. Вейдена, охарактеризовавшего его как «общество, параллельно с обществом большинства развившее социальные институты» [18. Р. 154]. Согласно мнению Вейдена, единственным фактором, объединяющим параллельное общество с остальным населением государства, является общая территориальная граница. Однако такой тип социального устройства далек от подлинных общественных реалий Норвегии и может существовать только в качестве некой идеальной модели. Ранее схожее мнение было выражено профессором Дортмундского университета Т. Майром, который исследовал социально-политическую ситуацию в Германии и пришел к выводу о невозможности полноценной сегрегации мусульманского иммигрантского меньшинства от мажоритарного общества с перспективой образования «государства в государстве» в рамках современного геополитического европейского пространства [19].

Тем не менее в качестве определения параллельных обществ, принятого на официальном уровне в Министерстве юстиции и общественной безопасности Норвегии, можно указать «ситуации, в которых отсутствует национальное общественное единство, а государство не способно и/или не готово регулировать социальное многообразие» [10. Р. 7]. Отсутствие общественного единства в Норвегии является следствием появления в государстве с высокоразвитым

национальным самосознанием представителей «чуждых» культурно-религиозных традиций с низким уровнем социально-экономической адаптации. При этом религиозно-этническая составляющая процесса формирования параллельного общества является наиболее серьезным фактором идеологического противостояния в обществе, большая часть которого идентифицирует себя в качестве «норвежцев».

Сложившаяся ситуация приводит к появлению в норвежских реалиях феномена, который норвежский социолог Г. Брокманн охарактеризовала как «авторизованное понимание однородности общества» [20. Р. 5]. Данная концепция основывается на норвежской идеологии равенства населения, подразумевающей, что мигранты никогда не смогут стать «одними из нас» или «равными в достаточной мере» [20. Р. 76]. Такая позиция представляет собой отражение многолетнего социального опыта взаимодействия между этно-религиозными меньшинствами и мажоритарным обществом в Норвегии.

Однако она практически не освещается в норвежском политическом дискурсе на официальном уровне, несмотря на широкую популяризацию проблемы параллельного общества в норвежских СМИ. Вместо этого отмечается общая тенденция норвежской иммиграционной политики, ориентированной на формирование единого социума, вмещающего в себя все разнообразие культурных, религиозных и этнических элементов общества. Но на пути построения такой модели общественной сплоченности встает трудно разрешимое противоречие: с чьей стороны должны быть предложены уступки? Должны ли прибывшие в страну иммигранты отказаться от собственных культурно-религиозных традиций или перед норвежским обществом стоит нетривиальная задача пересмотра собственных культурных ценностей и формирования новых условий в государственных и общественных структурах для создания комфортной среды проживания «новых» граждан.

Заключение

Формирование конфессиональных параллельных обществ на северо-европейском геополитическом пространстве является следствием ряда существующих проблем в сфере социального взаимодействия между мусульманскими иммигрантскими общинами и Скандинавскими странами, преимущественно ориентирующихся на интересы мажоритарного общества. Отсутствие успешной интеграционной политики Дании, Швеции и Норвегии в отношении групп этнорелигиозных меньшинств в остальное общество затрудняет правовое регулирование культурного, религиозного и этнического многообразия внутри национальных границ, что приводит к образованию жилых районов, отличающихся высокой степенью преступности на фоне низкого социально-экономического уровня жизни.

Такие районы, подавляющее население которых составляют исповедующие ислам иммигранты не западного происхождения, имеют тенденцию к сегрегации от остального общества, что в немалой степени обусловлено дискриминацией прав мусульманских

меньшинств в демократических государствах Северной Европы. Это влечет за собой внутреннюю пропаганду, призывающую иммигрантские общины к самоизоляции в замкнутой и сравнительно однородной среде, представители которой разделяют общие культурно-религиозные ценности. Складывающаяся ситуация, в свою очередь, провоцирует реакцию общества большинства на появление новой контркультуры, основанной на идеологии противопоставления понятий «мы» – «они» и являющейся причиной возникновения в обществе социальной напряженности.

Тем не менее официальные полицейские отчеты Скандинавских стран указывают на отсутствие реальной угрозы образования внутри национальных государственных границ таких негативных общественно-политических феноменов, как «государство в государстве» или «несостоявшееся государство». Несмотря на то, что параллельные общества, обозначаемые

на языке правоохранительных органов как «уязвимые жилые районы», таят в себе потенциальную угрозу национальной безопасности, официальные представители структур обеспечения внутреннего правопорядка заявляют, что данные территории находятся под контролем полиции. Однако неэффективность существующей иммиграционной политики в условиях непрерывного расширения культурного, религиозного и этнического многообразия среди населения страны способствует расширению спектра и глубины проблем, непосредственно относящихся к процессу образования конфессиональных параллельных обществ. При этом основная причина возникновения параллельного общества как современного социального феномена заключается в отсутствии соответствующих государственных структур и общественных институтов, обеспечивающих полноценную интеграцию всех граждан в единый социум.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duelund P. Parallelsamfund som ny politisk strategi // Dagbladet Information. 1968. September 19th.
2. Duelund P. På vej mod et nyt samfund. Høsts Debatbog No 4. København: Høst, 1971.
3. Heitmeyer W. Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele // Zeit Online. 1996. August 23th. URL: <http://www.zeit.de/1996/35/heimtmei.txt.19960823.xml> (accessed: 11.09.2019).
4. Freiesleben A.M. Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968–2013 – fra utopi til dystopi. Doktorgradsavhandling. Københavns Universitet: Det Humanistiske Fakultet, 2016. URL: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (accessed: 02.08.2019).
5. Camre M. Debat: Tørklædet er brud på kvinders ret // Information. 1999. August 24th. URL: <https://www.information.dk/debat/1999/08/toerklædet-brud-paa-kvindens-ret> (accessed: 15.07.2019).
6. Khader N. Kahder: Juletræssagen er ikke en bagatel // Religion.dk. 2012. November 20th. URL: <http://www.religion.dk/kommentaren/khader-juletr%C3%A6ssagen-er-ikke-en-bagatel> (accessed: 25.05.2019).
7. Krarup M. Er det praktisk at give efter for muslimske særkrav? // Berlingske Tidende. 2013. July 26th. URL: <http://www.mariekrarup.dk/33303274> (accessed: 16.06.2019).
8. National Strategisk Analyse. Kriminalitet, Trafiksikkerhed, Beredskab // Dansk politi. 2017. URL: https://www.politi.dk/NR/rdonlyres/60D84675-DFA7-46FE-BDEC-6FE654FC8AF/0/Rapport_NSA17_enkelt sider.pdf (accessed: 09.07.2019).
9. Danske Regeringen. Ghettoen tilbage til samfundet. Et opgør med parallelsamfund i Danmark // Socialministeriet. 2010. URL: http://www.stm.dk/multimedia/Ghettoen_tilbage_til_samfundet.pdf (accessed: 05.07.2019).
10. Egge M., Solhjell R. Parallelsamfund: En del av den norske virkeligheten? Technical Report. Oslo: Politihøgskolen, 2018. URL: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2498197> (accessed: 15.07.2019).
11. Nationella operativa avdelning. Utsatta områden – Social ordning, kriminell struktur och utmaningar för polisen // Underrättelsesenheten Sverige. 2017. URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/utsatta-omraden-social-ordning-kriminell-struktur-och-utmaningar-for-polisen-2017.pdf (accessed: 03.07.2019).
12. Carlbom A. Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism. Malmö : Malmö Universitet, 2019 URL: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf> (accessed: 10.10.2019).
13. Muhammad i andras ögon, propagandistisk skrift där icke-muslimer uttalar sig fördelaktigt om profet Muhammad. Örebro : Alrisalah Skandinaviska Stiftelse, 2011.
14. Oslo 2022 – Fremtidens kriminalitetsutfordringer i Oslo // Oslo Politidistrikt: Strategisk Stab. 2013. URL: <https://docplayer.me/2809110-Fremtidens-kriminalitetsutfordringer-i-oslo.html>
15. Oslo Politidistrikt (2016). «Parallelsamfund? Et politiblikk». Oslo Politidistrikt: Strategisk Stab. URL: <https://www.politiet.no/globalassets/dokumenter/oslo/rapporter/parallelsamfund/rapport-fra-oslo-politidistrikt-parallelsamfund-et-politiblikk.pdf> (accessed: 28.09.2019).
16. Økland S. Norske tilstander: bak frontlinjen i Norges tøffeste politidistrikt. Gyldendal, 2017.
17. Innvandrere og deres norskfødte barn – gruppenes sammensetning // Statistisk sentralbyrå. 2017. URL: <https://www.ssb.no/befolkning/artikler-og-publikasjoner/innvandrere-og-deres-norskfodte-barn-gruppenes-sammensetning> (accessed: 26.08.2019).
18. Veiden P. Parallelsamfund // Tanker om Samfund / red. K. Dahlgren, H.R. Næss. Oslo : Universitetsforlaget, 2012. P. 154–170.
19. Meyer T. Parallelgesellschaft und Demokratie // Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung: Politische Leitideen Für Das 21. Jahrhundertfestschrift Zum 80. Geburtstag von Iring Fetscher. Berlin : Akademie Verlag, 2002. P. 193–230.
20. Brochmann G., Borchgrevink T., Rogstad J. Maskineriet: Makt og demokrati i det flerkulturelle Norge. Oslo : Gyldendal Akademisk, 2002.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 октября 2019 г.

Confessional “Parallel” Societies in the Context of the Immigration Policy of the Scandinavian Countries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 143–149.

DOI: 10.17223/15617793/466/17

Ekaterina Yu. Talalaeva, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation); Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: aikatarin@mail.ru

Keywords: parallel society; immigration policy; Scandinavian states; vulnerable residential area; Muslim communities; multicultural society.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00054.

The article analyzes potential and real threats to the national security of the Scandinavian countries from Muslim segregated communities of immigrants who form “parallel” societies on the territory of Denmark, Sweden and Norway. Based on the commonality of the historical development, the economic system and the sociopolitical structure of the states in this geopolitical region, the research identifies general trends in the formation of a confessional parallel society and the modern political immigration strategy in Northern Europe. The study of social and political discourse and officially published documents on the problem of “parallel” societies makes it possible to assess the effectiveness of actions taken by state structures to ensure the full integration of isolated Muslim communities in the majority society. The reports of ministries and internal law enforcement agencies in the states of Northern Europe deserve special attention against the background of the widespread exploitation of the problems of Muslim parallel communities in the media and sociopolitical debates that escalate social tension in the Scandinavian countries. Despite the fact that the official reports emphasize the undeniable relevance of this problem, they exclude the possibility of escalating the current situation into a threat of national or international scale since the police keep these territories under control. However, the lack of successful integration policies of Denmark, Sweden and Norway regarding ethno-religious minorities significantly complicates the legal regulation of cultural, religious and ethnic diversity within their national borders. This situation leads to the formation of “vulnerable residential areas” with a high degree of crime against the background of a low socioeconomic standard of living. The population of such areas mainly consists of non-Western immigrants practicing Islam. Discrimination of the rights of ethno-religious minorities in democratic countries to a large extent determines the tendency to the segregation of Muslim communities from the majority society on the basis of their own cultural and religious order, which subsequently may lead to religious radicalization. Despite the positive measures taken by the governments of Denmark, Sweden and Norway to integrate Muslim minorities into the majority society, the prevailing inefficiency of the existing immigration policy in the context of the continuous expansion of cultural, religious and ethnic diversity among the population of the Scandinavian countries is stated. Moreover, the main reason for the emergence of a confessional parallel society as a modern social phenomenon lies in the practical absence of state structures and public institutions capable to ensure full integration of all citizens into a united society.

REFERENCES

1. Duelund, P. (1968) Parallelsamfund som ny politisk strategi. *Dagbladet Information*. September 19th.
2. Duelund, P. (1971) På vej mod et nyt samfund. *Høsts Debatbog*. 4. København: Høst.
3. Heitmeyer, W. (1996) Für türkische Jugendliche in Deutschland spielt der Islam eine wichtige Rolle. Erste empirische Studie: 27 Prozent befürworten Gewalt zur Durchsetzung religiöser Ziele. *Zeit Online*. August 23th. [Online] Available from: <http://www.zeit.de/1996/35/heimtrey.txt.19960823.xml> (Accessed: 11.09.2019).
4. Freiesleben, A.M. (2016) *Et Danmark af parallelsamfund: Segregering, ghettoisering og social sammenhængskraft: Parallelsamfundet i dansk diskurs 1968–2013 – fra utopi til dystopi*. Doktorgradsavhandling. Københavns Universitet: Det Humanistiske Fakultet. [Online] Available from: https://static-curis.ku.dk/portal/files/160573902/Ph.d._2016_Freiesleben.pdf (Accessed: 02.08.2019).
5. Camre, M. (1999) Debat: Tørklædet er brud på kvinders ret. *Information*. August 24th. [Online] Available from: <https://www.information.dk/debat/1999/08/toerklaedet-brud-paa-kvindens-ret> (Accessed: 15.07.2019).
6. Khader, N. (2012) Kahder: Juletræssagen er ikke en bagatel. *Religion.dk*. November 20th. [Online] Available from: <http://www.religion.dk/kommentaren/khader-juletr%C3%A6ssagen-er-ikke-en-bagatel> (Accessed: 25.05.2019).
7. Krarup, M. (2013) Er det praktisk at give efter for muslimske særkrav? *Berlingske Tidende*. July 26th. [Online] Available from: <http://www.mariekkrarup.dk/33303274> (Accessed: 16.06.2019).
8. Dansk politi. (2017) National Strategisk Analyse. Kriminalitet, Trafiksikkerhed, Beredskab. [Online] Available from: https://www.politi.dk/NR/rdonlyres/60D84675-DFA7-46FE-BDEC-6FE6545FC8AF/0/Rapport_NSA17_enkelt sider.pdf (Accessed: 09.07.2019).
9. Socialministeriet. (2010) Danske Regeringen. Ghettoen tilbage til samfundet. Et opgør med parallelsamfund i Danmark. [Online] Available from: http://www.stm.dk/multimedia/Ghettoen_tilbage_til_samfundet.pdf (Accessed: 05.07.2019).
10. Egge, M. & Solhjell, R. (2018) *Parallelsamfund: En del av den norske virkeligheten? Technical Report*. Oslo: Politihøgskolen. [Online] Available from: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/2498197> (Accessed: 15.07.2019).
11. Underrättelsesenheten Sverige. (2017) *Nationella operativa avdelning. Utsatta områden – Social ordning, kriminell struktur och utmaningar för polisen*. [Online] Available from: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/utsatta-omraden-social-ordning-kriminell-struktur-och-utmaningar-for-polisen-2017.pdf (Accessed: 03.07.2019).
12. Carlbom, A. (2019) *Samhället måste öppna sig för mångfalden. Mångfaldspolicyn som politisk möjlighet till islamisk activism*. Malmö: Malmö Universitet. [Online] Available from: <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/28798.pdf> (Accessed: 10.10.2019).
13. Alrisalah Skandinaviska Stiftelse. (2011) *Muhammad i andras ögon, propagandistisk skrift där icke-muslimer uttalar sig fördelaktigt om profet Muhammad*. Örebro: Alrisalah Skandinaviska Stiftelse.
14. Oslo Politidistrikt, (2013) *Oslo 2022 – Fremtidens kriminalitetsutfordringer i Oslo*. Oslo Politidistrikt: Strategisk Stab. [Online] Available from: <https://docplayer.me/2809110-Fremtidens-kriminalitetsutfordringer-i-oslo.html>.
15. Oslo Politidistrikt. (2016). *“Parallelsamfund? Et politiblikk”*. Oslo Politidistrikt: Strategisk Stab. [Online] Available from: <https://www.politiet.no/globalassets/dokumenter/oslo/rapporter/parallelsamfund/rapport-fra-oslo-politidistrikt-parallelsamfund-et-politiblikk.pdf> (Accessed: 28.09.2019).
16. Økland, S. (2017) *Norske tilstander: bak frontlinjen i Norges tøffeste politidistrikt*. Gyldendal.
17. Ssb.no. (2017) *Innvandrere og deres norskfødte barn – gruppenes sammensetning*. Statistisk sentralbyrå. [Online] Available from: <https://www.ssb.no/befolkning/artikler-og-publikasjoner/innvandrere-og-deres-norskfodte-barn-gruppenes-sammensetning> (Accessed: 26.08.2019).
18. Veiden, P. (2012) Parallelsamfund. In: Dahlgren, K. & Naess, H.R. (eds) *Tanker om Samfund*. Oslo: Universitetsforlaget. pp. 154–170.
19. Meyer, T. (2002) Parallelsamfund og Demokrati. In: *Der Demokratische Nationalstaat in den Zeiten der Globalisierung: Politische Leitideen Für Das 21. Jahrhundert*. Geburtstag von Iring Fetscher. Berlin: Akademie Verlag. pp. 193–230.
20. Brochmann, G., Borchgrevink, T. & Rogstad, J. (2002) *Maskineriet: Makt og demokrati i det flerkulturelle Norge*. Oslo: Gyldendal Akademisk.

Received: 31 October 2019